

ИХ БЫЛО ЧЕТВЕРО, НО ИСКАЛИ ВТОРОГО

Когда поэты ругают, его читают. Когда к нему приходят, он от этого не становится хуже, но почему-то интересуются им меньше. Это несправедливо. Поэтому я пишу сегодня не юбилейно-хвалебную статью о Вознесенском (которая не прибавила бы ему читателей), а просто по вольгарной интуиции, которая многих возмущает и авось заставит прочитать его недавно вышедшее собрание сочинений...

...В семидесятые (я кстати, вас там тоже видел) искал его книжки у фарышников на Кузнецком мосту наряду с такими же левитскими томками Мандельштама и Ахматовой. И какой же радостью было наконец спрятать под полу его «Тень звука» или «Взгляд», а потом, уже в метро, открыть и прочитать:

**Свасно в вагонной площадке,
прощайте,
прощайте, мое лето,
пора мне,
на даче стучат топорам,
мой дом забывают дощатым,
прощайте...**

Что поражало (да и поражает) в этих стихах? Прежде всего — естественность того, что все это говорится стихами, даже не говоря о выделении, а еще почему-то и поезде видно, и осень... И как будто ты уже сам на той вагонной площадке, и печаль твоя, и звание, и свет...

А несколькими строками ниже:

**...мы — люди,
мы тоже поражили,
уходим мы,
так уж положено,
из стен,
матерей и из женщин,
и этот порядок извечен...**

Окрошено и даже смело по тем временам? Безусловно. Но дело не в этом. Вся «смелость» держится здесь на музыке серпантинной боги — лейтмотив русской поэзии. А главная тема этой музыки — болевое осознание конечности жизни — проходит через все стихотворение («Осень в Сигудле»). Не случайно именно в нем появляются такие строчки:

**«Андрей Вознесенский — будет,
покой бы не словом,
не буйдыком,
еще на щеке твоей душой —
«Андрюшкой»...**

В общем, «Осень в Сигудле» — это «Памятник» Вознесенского. И тоже — нерукотворный.

Ну вот, я увлекся одним стихотворением, а Андрей Андреевич написал стихов на много томов. Только что вышел шестой, вернее — 5+. Так он сам его обозначил, и, возможно, поставил сам себе оценку? Что ж, как говорил мой случайный сосед по электричке, «скромничаетесь, скромничаетесь, а жизнь-то проходит...»

Неожиданно в этом томе органичное сочетание новых и старых стихотворений и поэм Вознесенского.

Что касается новых стихов, буквально потрясает их количество. Кажется, столько сейчас не пишет никто — не только из его ровесников, но и из племени молодых и не знакомых с вкусовыми ограничениями.

Что касается старых текстов, удивительно, почему Вознесенский не включил многие из них в свой пятитомник. Неужели посчитал недостойным такое, например, стихотворение:

**Можно и не быть поэтом,
но нельзя терпеть, пойми,
как кричит полоска света,
прищипленная дверьми!**

Мне вообще кажется, что такие вот классические стихотворения-четверостишия — один из самых «дурацких» поэту Вознесенскому жанров (и, кстати, действительно, то, что он пишет, делится на жанры — только вот называя этим жанром прудумать непрост). Они всегда самостоятельны — дописывать не надо:

**Нам, прощавшим в себе человека,
не помогут ни травка, ни бром.
Мы боемем Серебряным веком,
как Иуда бавдала серебром.**

Не удержусь, напомню еще одно, классическое:

**— Мама, кто там вверху
голенастенький,
руки в стороны и парит?**

**— Знать, инструктор лечебной
гимнастики.**

Мир не в силах за ним повторить.

Конечно, здесь есть снижение пастернаковского «Слишком многи руки для объятий / Ты раскиснешь по краям креста...», но снижение, обусловленное иным, «новейшим» временем и говорящее об этом времени.

Кстати, из того, что я уже процитировал, только в последних строчках присутствует да и то «утопленная», метафора. Как видите, и без метафор Вознесенский вполне может обходиться. Между тем многие уверяют его в исключительной холодной изобразительности в ущерб чувственности. Уверен, это заблуждение. Просто есть у Андрея Андреевича иронические и стихи, превосходящие и спародировавшие современное клиповое сознание. Они — особый жанр, который и надо судить по законам этого жанра: **РАДИОРЫСК Беремени Днором, МАЙКОВСКИЙ беремени Яковом (именем первоавтора), новоРусские беремени воровством.**

**Измывая кардиологов,
мнитесь черный «ситроен»,
как футбол аккордеона...
В нем скрывается Карден...**

Тем же, кто этих законов не желает понимать, — вот, пожалуйста, эпитрама. «Классицист» называется **Всегда с лицом пиранканца глядите тухло-губоко. У Рафаэлевых Мадонны от вас свернется молоко.**

Вознесенский ввел за своим тезкой Синявским мог бы повторить, что у него с советской властью были различия эстетические. Но именно эти различия власть не прощает: ах, с ней даже не хитит говорить на ее родном русском языке! Возмутительно! Думаю, в этом и была главная причина, почему на знаменитой кремлевской проработке творческой интеллигенции Хрущев тогда именем именно на него, Вознесенского.

Да и «исправилась» тот потом, написав поэму о Ленине «Лонжюк», как-то неуправляемо, сплошные метафоры, а где настоящее чувство? **По гаснувшим рельсам бежит паровозик, как будто сдвигает застывшую на мгновенье... И т.п.**

Потом Вознесенскому позволили быть в жважно-вегетарианские брежневские времена одной такой театр, как «Танганка», и один такой авангардист, как Вознесенский, были даже нужны. Чтоб иностранным послам показывать за границы демонстрировать советскую демократию и нерушимость прав челове-

ка в СССР. Поэтому сближение Вознесенского с «Танганкой» совсем не случайно. И дело не только в «Антимире» и других, как сказали бы сейчас, проектах. Просто «встретились два одиночества», по крайней мере эстетических.

От этого же эстетического одиночества («Пошли мне, Господи, второе, / что выглянуло петь со мной») — отчужденное желание Вознесенского обосновать и утвердить свою школу. Кого только он в нее не принимал! Петр Ветин, Александр Таценко, Алексей Прийма, Алексей Паршиков... Дошло аж до К. Келера. Увы, учителя в этой школе никто не превзошел и, значит, «второй» не появился.

Тогда Андрей Андреевич переосмыслил — в христианских координатах — значение этого «второго» и, кажется, решил, что и слава Создателя, коль не появился, но в своем случае, он написал, свою вторую поэму-рок-оперу, отрывки из либретто которой мы сегодня публикуем, в том числе и об этом.

Ну а первая и единственная настоящему удавшаяся советская рок-опера — «Юнона и Авось» — тоже, как известно, его (хотя и соавторы этого суперхита — Алексей Рыбников и Марк Захаров — дай бог каждому!).

В общем, Вознесенскому повезло (как, с точки зрения булгаковского персонажа из «Мастера...», Пушкин?!): и во время он попал самое политическое: шестидесятые-детские — и если не эстетически, то хотя бы физически был в нем не один («Нас много, нас, может быть, четверо...»), — и «Танганку» с Любовимым встретил, и «Лонжюк» с Захаровым, ну и, наверное, главное — Пастернак его благословил еще мальчишкой.

Но давайте разберемся. Хотя семидесятые во многом «сделали» Вознесенского, но ведь тоже во многом «сделали» такие шестидесятые, и кому повезло больше от встречи «Танганкой» или ему, ему или «Лонжюку» — тоже вопрос.

Что же касается подернутой в отрочестве дружбы с Пастернаком... Этот долг Андрей Андреевич, по-моему, старается отплатить всю жизнь. Не только пытаясь создать «школу», но и принимая у себя в Переделкине, выслушивая и давая благословения совсем порой немалых стихотворцев.

... А в разгар перестройки Андрей Андреевич потерял такую простую вещь: вот они-то с Егустенко и Ахмадулиной в свое время получили воз-

можность покорить Запад, а нынешние молодые — увы, в то же время перестройка уже открыла границы... И он поспоспешивал поезде в Данию первой советской делегации, где наряду с мэтрами (кроме него были Ахмадулина и Битов) присутствовали тогдашние «молодые» — Иван Жданов, Марина Кудимова, Алексей Паршиков и, как называется, ваш покорный слуга. Всем нам в Дании издали книжки — первые на нерусском языке, все выступления — в театрах и университетах — вел глава делегации Вознесенский.

Так что спасибо, Андрей Андреевич! Да, именно там, в Дании, я увидел собственными глазами, как Вознесенский покоряет Европу.

После выступления удивительно темпераментного буржуазного ансамбля африканской песни и пляски на сцену вышел наш поэт. Весь в белом пиджаке с кровавым пологом, он воздел руки горе и почти как же громко, как были в там-тамы такие буржуазии, прокричал: «Я — Юнона!» Датская королева тут же захопала — то ли потому что знала Юнона с хорошей стороны, то ли была поражена неожиданным темпераментом посланца западной северной страны, где по улицам по колени в снегу ходят белые медведи, а за белой пиджаке еще неведомо могли отплатить в страшную Сибирь.

В общем, у Андрея Андреевича случился на родине Гамлета ошеломительный успех.

...Хотя я не приписываю себя к школе Вознесенского (как, впрочем, и ни к какому «измаму») сегодня, в юбилейный день рождения поэта, хочется закончить эти заметки поправлением на его языке: **АВЕ, Андрей Вознесенский! Арифметика бесполок: вас было четверо, как известно, находим третьего, но искали второго.**

● Олег ХЛЕБНИКОВ

Р.С. Прошу считать мои юбилейные заметки официальным заявлением в Юбилейный комитет, который ввиду своей географической запоздалости несправедливо обходит вниманием бесплодного кандидата в лауреаты.

В РОССИИ ЗА СТИХИ ВСЕ-ТАКИ ОТДАЕШЬ ЖИЗНЬ

В Концертном зале имени Чайковского 14 мая пройдет вечер, посвященный юбилею Андрея Вознесенского. Он соберет гостей и читателей этого большого мастера. Алексей РЫБНИКОВ исполнит фрагменты новой оперы «Второй», текст которой написал Андрей Вознесенский. Оперу в следующем сезоне поставит Марк Захаров в своем «Ленком»...

Вот что нам рассказал об этой работе Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

ГЛАВНОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Долгие годы после «Юноны и Авось» Марк Захаров предлагал мне придумать еще что-нибудь. Но я все считал, что не надо этого делать, потому что очень тяжело бегать на репетиции и т.д. И вот сейчас я наконец сподобился и написал пьесу, сюжет которой был подсказан самим Захаровым. Он предложил сочинить историю о реальном композиторе XVIII века Максимилиане Березовском (имя-то какое!) и сказал, что Алексей Рыбников готов написать музыку. Текст родился сразу.

В этом сюжете человек из нашего времени перемещается через столетия в XVIII век и вместе с ним попадает туда и наш язык. Поэтому, когда герой преодолевает пространство и время, с ним прилетают и всякие наши жаргонные словечки: «блин», «было», «круто», — и наш сегодняшний менталитет в виде разнообразнейших знаний и понятий. Это выглядит, конечно, очень странно на фоне того времени. Язык в пьесе современной, поэтому и аллюзия современности есть. Собственно, это не пьеса, а видеодрама, как велоспорт, наполненный скоростью, движением и звуками.

Пока Рыбников сочинял музыку, а Захаров разрабатывал сюжет, у меня в голове пьеса очень изменилась — я сбился с задания. Появился новый персонаж — Магер-шелал-хаш-баз. Пророк Исайя упоминал такое имя. Это был как бы двойник Христа. Он был караящей десницей Бога и антихристом. Он стал персонажем, темной силой, которая мистически обтырает многие наши дела и многие наши события.

Сама же пьеса в той же мере и мистическая, и реальная, как «Юнона и Авось». Один из главных персонажей граф Алексей Орлов (в нашей версии — любовник Екатерины II, как и брат его Григорий) стал любовником Таракановой, которую предал по повелению императрицы и привез в Петербург, где она была заточена в крепость.

Композитор Березовский одно время также был близок к Таракановой, которая у меня тоже фигура мистическая и мало имеет общего с исторической княжонкой. И вообще я убежден, что поэтическая правда важнее исторической. Тараканова была великая авантюристка и существовала под разными именами. Ее считали дочкой императрицы Елизаветы, что вряд ли могло быть.

Существовал и знаменитая картина Фламинго, на которой княжна гибнет во время наводнения в Петропавловском рavelине, куда она была заключена. Извест-

но, что это полотно очень вдохновляло Пастернака. Эдвард Радзинский считает, что смерти в равелине на самом деле не было. Но в народном сознании Тараканова существует именно как та княжна, «которую затопили в равелине». И с этим ничего не сделаешь. У меня в пьесе ее смерть описана одновременно в двух ипостасях — как бы на самом деле и как бы по легенде. Пьеса называется «Второй». Первым был Христос. А Магер-шелал-хаш-баз был второй. И Екатерина поет песенку — «У женщины каждый мужчина второй». И «второй», по-моему, очень точно для России, ведь мы всегда ищем что-то второе внутри — вторую жизнь. Тот человек, что получает эту вторую жизнь, — становится другим.

Я даже вижу актеров некоторыми действующими лицами пьесы. У меня есть «Исполнительный лист» — и там «Чурикова исполняет роль Екатерины». «Караченцов исполняет честь и достоинство». «Желание исполнено Певцовым».

Пьеса напечатана в шестом томе моего собрания сочинений, который назван «5+». Там по книгте разбросаны стихи из этой пьесы, в которой отсылки к этим стихам, и получается, что пьеса — это как бы вся книга, она замешана со «Втором». Книга выходит случайно к юбилею.

У нас слишком любят праздновать юбилеи. Я не из этого числа. Знаю, что Пастернак при любви к праздникам никогда не справлял дней рождения — считал, что это день траура. И я с 15 лет не отмечал ни разу из солидарности с Пастернаком. Всегда старался куда-нибудь уехать. Впервые вот праздную день рождения на людях — решил попробовать, как это. Зал Чайковского — это не «Лужники», конечно, но интимно, вероятно, тоже не получается. Но близких людей надеюсь и счастливы буду увидеть.

Не очень хочется и повторить бурный размах поэзии 60-х. Тогда на всем этом была замешана политика, идея свободы. Сейчас приходит именно поэзия. Я вижу это по полным залам на поэтических вечерах и раскупаемым поэтическим книгам. Все, кто любит поэзию в чистоте, приходит к ней. Конечно, у нас поэзия еще осталась, и она наше главное национальное искусство, по-моему. Если витамин поэзии пропадет, то и Россия не будет. А в Европе она лишь одно из искусств — интеллектуальное.

Здесь, в России, все-таки жизнь отдаешь за стихи.

● Записала Катя ВАРКАН

ЖИЗНЬ

ВТОРОЙ

Фрагменты видеодрамы Музыкальная смута в двух частях с прологами и эпилогами

Вступление

Я — русская смута. Я — пьяная баба. Российская муза, я клеюю у паба.

Российская мать — не немецкая «мutter». Без мата нам мурорно. Мы — дети Малевича и Малюты. Плюс плохо с валютой.

Бог занят. Мобильники не прозваниваются. Жизнь — самоубийство. Народному сердцу мило самозванцы — хоть чем-то забыться!

Мы страшно устали от нищего Рая, хохля, озоруя, мы знаем — есть где-то Россия вторая, мы ищем Вторую.

На вернисажах один гениталии. Российская смута, спасибо тебе: твой прикол гениальный не стал русским бунтом!

Ищу самородков среди отмороzków. Мне мил почему-то предештвенник Мусоргского Максимовский — продакт русской смуты.

Влечешь почему ты, российская смута? — А вот потому-то...

ПОЭТ: Русь, куда несешься? Дай ответ! — В Интернет.

— Ты куда ведешь нас, Интернет? — В эпоху двух Елизавет.

Пролог

Странная мастерская состоит из двух залов. В первом зале бесы играют в компьютерные игры. Экраны дисплея, на которых возникают слова. Вечность — это слово. Слова умирают и возрождаются. Они бережливы жизнью, как стручки гороха. В них, как в гробы, помещаются люди и отплавывают в вечность. Возникает слово АКТЕР — АКТЕРАКТЕРАКТЕРАКТЕРАКТ — ТЕРАКТ. На других экранах проступает ПИТЕР — ПИТЕР — ПИТЕРПИ — ТЕРПИ.

МАТЬ — МАТЬ — ТЬМАТЬМАТЬМА, ШАЛААНДЫ — ЛАНДЫША, О, ПАЖ — Ж, МОБЕЛЬ — МОБЕЛЬ — БЕЛЬМОБЕЛЬМО...

Но опять настоящей повторяется ТЕАТР, ТЕАТР, АКТЕРАКТЕРАКТЕРАКТ Появляется Магер-шелал-хаш-баз. Он не млеен харизмы, лицо порочно вне возраста, ноги обуты в зеленые сапоги с золотыми шпорами. С ним рядом красивый кот по имени Фальконе.

Во втором зале игра на тестах вроде «Амнионера». На дисплее — тесты. Идет интерактивный опрос.

I. Кто такая Екатерина II?

а) любительница русского тарана	с) путешественница к Бахчисараю
б) немка, образец морали	д) подружка жеребца Самурая

Кольбельная Фальконе

Баю-бай, баю-бай, продавай и покупай. Спит Россия, как Самсон, видит сон: к Богу в рай или в Дюбай? Лодочки не колебай. Спит министр и разгильдяй. Спит собака. Клоп куснул. И уснул. У хирурга на столе спит царевна в хрустале. Баю-бай, баю-бай, только ты не погбай. В сновидении порой жизнь нам кажется второй. Все простишь и все простишь, тебе бок прогрываламышь, в телепузики играй — музыку не продавай! Баю-бай, баю-бай. Баю-бай, баю-бай. Бай ю бай. Бай ю бай. Ву you buy...

<...>

(подсказка зала): Жизнь показала... В письмах Вольтеру исправляла нравы. Это Фурцева эпохи крепостного права.

ФАЛЬКОНЕ (облизнуло обрешетку к залу): А Агузарова? Песенка про когата? С группой «Браво»?

II. Кто такой Николай II-й?

а) национальный герой	с) кровавый
б) еврей (1/32 крови своей)	д) святой

(подсказка зала): Горстка пыльных костей... Потерянная лобная кость. Горбачев, сам оставивший свой Пост.

III. Что для вас эта Елизавета?

а) дочь Елизаветы	с) мне по барабану
б) б... полусвета	д) княжна Тараканова

(подсказка зала): Лизвета, жертва Раскольниково. Ах, гошенька... Не отключайте свет! Авантюристка Анастасия — престолонаследница России XXI века.

IV. Чем будет ваша жизнь вторая?

а) жертвою ада или рая	с) звуком саундтрека
б) ромашкой в горах Алтая	д) музозитатором XVII века

(подсказка зала): Выверните коту наизнанку! Бесы ловят Фальконе, выворачивают. Кот вопит. Появляется ТОК. Ток-шоу продолжится. Show must go on! Шоу — утон. Ноги — уюш. Магдалина моет ноги. Пейте шампанское Моет!

V. Что сейчас значит Магер-шелал-хаш-баз?

а) шлягер	с) хамас
б) ерушаламовский фантомас	д) КалАЗ

Внезапно экран мигает и гаснет. БЕС: Шеф, ток отключили! МАГЕР-ШЕЛАЛ-ХАШ-БАЗ: Выверните кота наизнанку! Бесы ловят Фальконе, выворачивают. Кот вопит. Появляется ТОК. Ток-шоу продолжится. Show must go on! Шоу — утон. Ноги — уюш. Магдалина моет ноги. Пейте шампанское Моет!

А. Вознесенский. Я люблю Нью-Йорк